

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В РОМАНЕ
И. КАЛАШНИКОВА "РАЗРЫВ-ТРАВА"

Говоры русского населения Забайкалья, берущие свое начало из разных диалектных основ, но претерпевшие изменение, как следует не исследованы. Среди них значительный интерес представляет говор семейских. Как известно, семейские (старообрядцы) – выходцы из южных губерний России – были одними из ранних русских поселенцев Забайкалья. По наблюдениям проф. А. М. Селищева¹ и других исследователей, это южновеликорусский говор, испытавший значительное влияние окружающих сибирских говоров, особенно северновеликорусского наречия. Кроме того, в лексике говора сказалось в какой-то мере влияние языка аборигенов края – бурят, эвенков².

Эта группа русского старожилого населения Забайкалья, в прошлом жившая во многом обособленной, замкнутой жизнью и сохранившая до наших дней своеобразие в материальной и духовной культуре, издавна привлекает внимание сибирских писателей³. Жизнь старообрядческого крестьянства послеоктябрьского периода отражена в романе И. Калашникова "Разрыв-трава"⁴, отмеченном в 1970 году республиканской премией.

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

² См.: Л. Е. О л и а с о в. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья. – "Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху". Улан-Удэ, 1965, стр. 86-103; Ц. Б. Б у д а е в, П. Ф. К а л а ш н и к о в. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода. – "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, стр. 149.

³ См.: И. К а л а ш н и к о в. Последнее отступление. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1961; И. Ч е р н е в. Семейщина. Новосибирск, 1965; Е. К у р е н н о й. Осенняя сухмень. Иркутск, 1970 и другие.

⁴ И. К а л а ш н и к о в. Разрыв-трава. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1970.

Роман охватывает события с конца 20-х годов до послевоенного времени. Завершилась гражданская война, но битва за новую жизнь в далекой забайкальской деревне Тайшихе продолжается. Нелегко изменить веками сложившиеся устои патриархальщины. Новое утверждалось в этой старообрядческой деревне, встречая яростное сопротивление ревнителей "истинной" веры и кулаков. И. Калашников реалистически точно передает перелом в умонастроении, психологии старообрядческого крестьянства, создает впечатляющие картины народной жизни, в которых отразилось своеобразие духовной жизни, быта, языка семейских.

Одним из художественно-изобразительных средств романа является широкое использование автором диалектной лексики, что стилистически вполне оправдано. Диалектная лексика органически вплетается в ткань произведения, является средством этнографического описания. Писатель использует диалектизмы и как средство создания речевой характеристики.

Резко отличается от языка местных жителей Тайшихи язык председателя колхоза Павла Рымарева, человека приезжего. Для речи Рымарева характерно употребление вводных слов, развернутых фраз, в ней полностью отсутствуют диалектные слова и выражения. Например: "Вы, очевидно, недалеко ушли от этого уважаемого товарища"; "Товарищи пришли, собственно, ко мне, но поскольку вопрос, поднятый ими, во-первых, очень сложный, во-вторых, касается действий советской власти, я решил, что будет лучше..." и т. п. Создается речевой контраст между отмеченной безликостью книжностью речью Рымарева и меткой, живой, насыщенной диалектными словами и выражениями речью жителей старообрядческой деревни. Наиболее характерные особенности говора, переданные в речи старообрядцев, приводятся ниже в разгруппированном по языковым уровням виде.

Фонетические диалектизмы, встречающиеся в романе, дают представление читателю об особенностях произношения семейских. Так передается присущее семейскому говору "чоканье" ("чо" вместо "что"). Встречаются в речи персонажей и такие фонетические явления, как: а) эпентеза [д] между длительными согласными: ндравится, вострый (гласный о в начале слова обычно прикрыт протетическим в, характерным для говора семейских)¹; б) лабиализация редуцированного гласного под влиянием соседнего губного согласного: чумбур, сумление, купиратив - явление, также характерное для семейского говора²; в) метатеза: патрет (вместо портрет); г) про-

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 51.

² См.: т а м ж е, стр. 49.

изношение *j* перед гласными переднего ряда на месте *г* или *у*¹. Так например, персонажи романа произносят *жерой*, *жеройство* вместо *герой*, *геройство*.

В романе имеет место довольно значительное количество морфологических диалектизмов. Так, в речи персонажей часто встречается употребление формы имени существительного мужского рода родительного падежа единственного числа с флексией *-у* (*-ю*): никакого обману тут нету, никакого порядку нету, народу мало в колхозе, духу ее не выношу, без голоса останешься, одного мы с ней характеру, покою нету. Формы на *-у* (*-ю*) получили широкое распространение в говорах южного наречия². В говоре семейских, основа которого южновеликорусская, форма родительного падежа имени существительного почти всегда оканчивается на *-у*, формы на *-а* встречаются редко.

Характерной морфологической чертой речи героев романа являются и флексии *-ов*, *-ей*, у имен существительных родительного падежа множественного числа³: натворил делов, правов не имеешь, за курей и за изгальство, сколько жизней сгублено и т. д.

Средствами образования диалектных слов являются малопродуктивные в литературном языке суффиксы *-ух*: листовуха (листовой табак), голодуха, братуха, сеструха, молодуха; *-ах-*: деваха; *-ниц-*: супружница.

В говоре семейских, как и вообще в народных говорах, продуктивны притяжательные прилагательные, образованные посредством суффикса *-ин-*: Лучкина супружница, Батохина сестра, Хавроньины разговоры, батина борчатка, дочино рукоделье.

В речи персонажей романа часто встречаются частицы *-то*, *-ка*. Приведем примеры с частицей *-то*: амбар-то, дети-то, дел-то, в девках-то. Постпозитивная частица *-то* подчеркивает и выделяет слова, относящиеся к категории имен. Изредка она сочетается с глаголами: исхудал-то, радоваться-то. Постпозитивная частица *-ка*, присоединяющаяся к глаголу повелительного наклонения, придает оттенок фамильярности, смягченного приказа: Митя, беги-ка к Игнату; выдь-ка на минутку; сынок, встань-ка.

Герои романа употребляют обращение "паря", что, как известно, характерно для речи сибиряка.

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 52.

² См.: С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Л., 1927, стр. 103; Г. В. Д е н и с о в и ч. О падежных флексиях существительных на *-а* в местных говорах. - "Учен. зап. Кургского пед. ин-та", вып. 9, 1959, стр. 161.

³ См.: Г. В. З а к о в. Из наблюдений над некоторыми южно-русскими говорами. - "Учен. зап. Магаданского пед. ин-та", вып. I, 1963, стр. 95-96.

В языке действующих лиц автор передает также особенности образования предложений. Так, для присоединения определительных придаточных употребляется союзное слово "какой" вместо литературного "который": "Надо бы хлеб, какой снегом задавлей, разделить людям; Гордая семейщина... никогда на быках не ездила, при самой великой нужде не снисходила до этого, но и то сказать, ведала ли она такую нужду, какая сейчас пришла?; Власть она навроде чернильницы-непроливашки, какие есть у городских ребятишек; Мед, какой сбережешь, по справедливости всей нашей родне дели".

Значительно шире, чем фонетические, морфологические и синтаксические диалектизмы, представлены в языке романа диалектизмы лексические. Следует отметить, что лексике говоров свойственны выразительность, конкретность в обозначении понятий, эмоциональность, экспрессивность.

Многие из лексических диалектизмов, употребляющихся в языке романа, имеют экспрессивную окраску, дополнительные семантические оттенки. Так, экспрессивно-эмоциональную окраску приобретают в говоре метафорические названия, с помощью которых можно "более конкретно, ярко и точно подчеркнуть существенную особенность характеризуемого предмета, чем каким-либо прямым определением его"¹.

"Игнат с силой ударил ломом. Брехун, ботало. О жратве, да о женитьбе, других разговоров у него нету. За годы, что с ним на заработках были, надоел хуже не знаю кого..." В этой несобственно-прямой речи одного из героев романа выражено пренебрежительно-презрительное отношение к человеку, вызывающему у него неприязнь. Номинативное значение слова ботало - колокольчик, привязываемый на шею скота. Употребленное в переносном смысле, применительно к человеку, означает то же, что и "брехун".

С отрицательной стороны характеризует человека и слово варнак: "Никитка, варнак, жажнул изо всех сил". В словаре В. Даля слово варнак, снабженное пометой "сибирское", имеет значение "каторожный"². Это же значение отмечено в работах исследователей сибирских говоров. Так, в работе Н. В. Семивского "варнак - преступник, публично наказанный и клейменный"³, у Г. Пейзена: варнак - каторожный (слово бранное, назвать варнаком, значит смертельно обидеть)"⁴. В городах Сибири данное слово расширило свое

¹ Г. Л. А б р а м о в и ч. Введение в литературоведение. М., "Просвещение", 1953, стр. 118.

² В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., ГИС, 1955, стр. 166.

³ "Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии". (Сост. Н. А. Цомакион). Красноярск, 1960, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 141.

значение. В "Словаре русских старожильческих говоров средней части р. Оби" указано три значения: "1. устар. Каторожный. 2. Вор, мошенник, плут. 3. Бранное слово"¹. В романе И. Калашникова слово "варнак" использовано как бранное.

В речи действующих лиц романа встречаются диалектизмы, не обладающие повышенной экспрессией. Специфические для говора, они являются синонимами соответствующих слов литературного языка. В основном это диалектизмы южновеликорусского происхождения: бельмы (глаза), вешня (яровой хлеб), ведро (тихая, ясная погода), посул (обещание), поскотина (выгон, пастбище), харчи (пища, продовольствие). Встречаются и диалектизмы северновеликорусского происхождения: байки (сказки, побасенки), суслон (малая укладка снопов), кулема (ловушка на мелких зверей).

Автор вводит в речь персонажей много диалектизмов, обозначающих действия. Общеупотребительные в говоре они также являются экспрессивно-выразительными синонимами литературных слов. Среди них преобладают диалектизмы южновеликорусского происхождения: блюсти (сохранять в целостности, беречь), подсобить (помочь), вернуться (возвращаться), ерепениться (упрямиться), кумекать (соображать), посулить (обещать). Например: "Блюдайте старину, блюдите! — он задохнулся, упал на подушку, сверкнув белками глаз"; "Да ты никак подсобить мне не хочешь?"; "А ты, Назарыч, не вертуйся"; "Какого черта ерепенишься?"; "Ты в данных вопросах не кумекаешь". Среди этой группы диалектизмов имеются и диалектизмы северновеликорусского происхождения, например, баить (говорить), джожить (терпеть), зауросить (упрямиться), оболакаяться (одеваться), робить (трудиться), хаять (осуждать, бранить, порочить): "Во-во! — подхватила Хавронья. — То же ей баила"; "Я еще удивляюсь, что ты так долго джожишь"; "Муж не лошадь, зауросит — кнутом не выправишь"; "Ну, старуха, оболакайся!"; "Что, Устюха, с нами будешь робить?"; "Твоего мужика я хаять не собираюсь".

Как видно из приведенных примеров, в лексике говора преобладают диалектизмы южновеликорусского происхождения, но наряду с ними в активном употреблении и диалектизмы северновеликорусские. Это закономерно для семейского говора, в котором смешалось два диалектных потока.

В интересующем нас романе употребляются и диалектные слова, связанные с обозначением родства, семейных отношений. Так, действующие лица романа родного брата называют браткой или братухой, сестру — сеструхой, невестку — молодухой.

¹ "Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби", т. I. Томск, 1964, стр. 60.

Встречаются в речи персонажей такие типичные для говоров Забайкалья диалектизмы, как борчатка, прясло, заплот, зимовье. В "Словаре русских говоров Среднего Урала" слово борчатка толкуется как "шуба из овчины, присобранная по талии, иногда, с большими бортами, обшитыми мехом"¹. Слова прясло, заплот являются синонимами литературного слова "забор". Слово заплот с этим значением было отмечено в свое время проф. А. М. Селищевым². В "Материалах к областному словарю сибирского наречия" В. Анучина указано три значения слова зимовье: "1. Кухня и людская, стоящие отдельно от главного дома. 2. Хижина в тайге. 3. Станция на приисковых дорогах"³. В романе И. Калашникова слово зимовье употребляется во втором значении.

В речи героев романа используются характерные для говора обстоятельственные слова и предлоги: дивно (удивительно), кучно (кучей), лихо (плохо), ладно (хорошо); середь (среди), посередь (посередине), промеж (между).

Назначение всех этих диалектизмов, встречающихся в речи действующих лиц романа И. Калашникова, создать местный колорит. Многие из них обладают экспрессивно-эмоциональной окраской передавая оттенки фамильярности, иронии, презрения, привычно-небрежного тона и создают впечатление живой, естественной, непринужденной разговорной речи.

Писатель не мог пройти мимо явления, характерного для языка в годы, когда происходят описываемые в романе события. Для этого времени был типичен приток в говоры слов, обозначающих новые производственные отношения, новый быт, технической и политической терминологии и т. д. Эти незнакомые слова получали в говоре своеобразное фонетическое и грамматическое оформление. Так, аэроплан произносится героями романа как ероплан, кооператив — как купиратив (слово подчинялось одной из фонетических закономерностей говора семейских — лабиализации редуцированного гласного под влиянием соседнего губного согласного).

Диалектная лексика используется не только в речи персонажей, но и в авторском повествовании. Прежде всего следует отметить этнографические диалектизмы, отражающие своеобразие быта семейских: уставщик (духовный пастырь), домовина (гроб), кичка (женский головной убор в виде шали), опояска (самотканый пояс). На-

¹ "Словарь русских говоров Среднего Урала". Свердловск. Средне-Уральское кн. изд-во, 1964, т. 1, стр. 58.

² См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 2.

³ В. А н у ч и н. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, стр. 163.

пример: "Мельником с недавних пор стал бывший уставищик Фералонт. До войны он жил на краю деревни в маленьком зимовье, справляя поминки по старикам и старухам, крестил тайком младенцев, кормился за счет верующих"; "Это домовина - толстое ошкуренное бревно лежало под сараем с тех пор, как Игнат помнит себя"; "По старине, по обычаю, у каждого хозяина хранится такая домовина, у него может не быть ни коня, ни коровы, но домовина есть"; "В углу пьет чай Лучка, напротив него, одетая в кичке и кашемировом полушалке по плечам... Лучкина супружница"; "Подтянул опояску и дробной старческой рысью засеменял по улице".

В авторской речи употребляются диалектные слова, обозначающие предметы домашнего обихода, одежды и обуви: туесок (сосуд для жидкости, сделанный из бересты), ботало (колокольчик, привязываемый на шею лошади, коровы); обутки (обувь), ичиги (сапоги на мягкой подошве), станушка (рубаша без рукавов), сарафан (широкая юбка в сборку), запан (фартук), зипун (мужская кафтанного покроя). Используются существующие в говоре названия различных построек, жилища: полати (помост в крестьянской избе от печи до противной стены, общая спальня), куть (кухня), сени (помещение между холодной частью дома и крыльцом); обязательные принадлежности сибирского крестьянского хозяйства: стайка (хлев, помещение для скота), амбар (помещение, предназначенное для хранения зерна, муки и других продуктов), казенка (кладовая), займка (место, занятое под хозяйство), зимовье (хижина в тайге), гумно (место, где ставят и молотят хлеб).

В авторской речи встречаются диалектизмы, связанные с лесом, тайгой, обозначающие охотничьи снасти: рожны (ловушка на мелких зверьков), наледь (замерзшая, прибитая вода), старица (старое, покинутое рекой русло), заметь¹ (метель снизу, когда выпавший прежде снег метет ветром понизу), валежник (деревья, вывороченные бурей).

Используются в авторском повествовании прилагательные, общепотребительные в говоре: мухортый (непривлекательный на вид), мосластый (костистый), хворый (больной), справный (такой, который находится в хорошем состоянии).

В авторской речи, как и в речи персонажей, И. Калашников избегает передачи редких для говора слов. Многие из диалектизмов, уже знакомые читателю по языку героев романа и введенные в авторское повествование, способствуют достижению единства речи персонажей и автора. Заплот, прясло, суслон, займка, зимовье, запан, зипун, ботало, посулить - далеко не полный перечень диалектных слов, встречающихся в языке автора и героев романа.

Встречаются в языке романа и заимствования из бурятского язы-

ка. Незначительное влияние бурятского языка на говор семейских обнаруживается в основном в названиях некоторых животных, терминах животноводства, предметах домашнего обихода, названиях одежды: тэрлик (тэрлиг – летний халат), дыгыл (дэгэл – шуба), ургуй (ургы – подснежник), гуран (гуран – дикий козел, лось).

Употребляются и слова белорусско-украинского происхождения: рушник (полотенце), хмарный (хмурый), виноватить (винить). Как было уже отмечено выше, семейские – выходцы из южных губерний России и их язык не мог не испытать в свое время влияния окружающих говоров. Этим объясняется бытование в говоре семейских слов белорусско-украинского происхождения.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что язык романа насыщен диалектизмами. Назначение их – передать типичный для героев язык, создать местный колорит. "Местный колорит, конечно, заключается не в диалектных названиях построек, одежды и т. д. самих по себе, а в том, что, благодаря этим названиям, их "невсеобщности" подчеркивается какой-то особый характер этих построек, одежды... или их особое назначение в жизни описываемых персонажей"¹. Использование диалектизмов в романе "Разрыв-трава" вызвано именно таким стремлением писателя выделить характерное, особенное, присущее только этой среде.

Автор хорошо знает жизнь старообрядческого крестьянства, их своеобразный говор. Благодаря употреблению диалектизмов в языке произведения читатель ближе знакомится с жизнью героев, их бытом и нравами. Умелое использование диалектных особенностей в языке художественного произведения о деревне – свидетельство мастерства писателя, а также одно из средств реалистического изображения действительности.

¹ П. Н. Шмелев. Лексика. – В кн.: Слово и образ. М., "Просвещение", 1964, стр. 90.